

трудомъ, онъ отучится ненавидѣть и презирать другія націи. Внушите ему, что у нихъ тоже есть свой патріотизмъ, столь же разумный и хорошо обоснованный, какъ его собственный. А если онъ отказывается интересоваться правдой, — пусть остается безъ исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, много ли мы помнимъ изъ той исторіи, которую учили въ школѣ? Я могу отвѣчать только за себя. Я могъ бы легко узнать въ недѣлю по какой-нибудь энциклопедіи все то, что я теперь помню изъ этого обученія. А много ли знаетъ самый ученый изъ ученыхъ объ исторіи человѣчества? Всего только безконечно малую часть цѣлаго. И развѣ знаніе множества необработанныхъ фактовъ и неизвѣстныхъ чисель есть истинный элементъ воспитанія? Я въ этомъ очень сомнѣваюсь.

Толстой пришелъ къ заключенію, что интересъ учениковъ къ исторіи главное — драматическій, т. - е. художественный. Имъ нравится исторія Ромула и Рема не потому, что эти братья основали могущественнѣйшее государство въ мірѣ, а потому, что она чудесна и интересна. Они не будутъ слушать исторію переселенія народовъ, потому что содержаніе ея не художественно. «Дѣтямъ нравится исторія, — говоритъ Толстой, — только тогда, когда содержаніе ея художественно. Интересы историческаго для нихъ нѣтъ и быть не можетъ, — слѣдовательно, нѣтъ и не можетъ быть дѣтской исторіи».

Предпочтеніе Толстымъ Библии, какъ книги человѣческаго дѣтства, наводитъ на мысль, что можно бы было хорошо воспользоваться греческой, римской, германской и другими миеологіями вмѣсто болѣе правдивыхъ исторій, и въ культурномъ отношеніи такъ же важно знать подробности осады Трои, какъ походы Александра Македонскаго или Карла Великаго. У ребенка есть природная склонность къ міру чудесъ, и удовлетворяя ее, мы не причинили бы ему вреда.
